

Так было

**Алексей
КОЛОМИЕЦ**

Нижний Новгород

***Алексей Маркович Коломиец.** Доктор технических наук, заслуженный геолог РФ, профессор кафедры оснований, фундаментов и инженерной геологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, академик РАЕН, АГН, МАНЭБ, МАМР, член Высшего Горного Совета РФ. Автор многих книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России, автор журнала «Вертикаль. XXI век» с первого номера. Живёт в Нижнем Новгороде.*

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ¹

Бывал я в этом отряде ещё два раза до окончания работ. Павел Иванович, классный геолог, окончил МГРИ в 1954 году, работал в Китае, а затем приехал к нам в СВГУ. Человек очень старательный, писал хорошие стихи, но был брюзга, вечно чем-то недовольный. И не умел работать с коллективом – слишком официально-требовательным, рабочие его недолюбливали. Один раз приехал я туда на ЧП. Водитель Костеев Витя провалился на Кобре под лёд на автомашине ГАЗ-51. Правда, её удалось вытащить трактором, Витя нырял, чтобы завести трос за фаркопф автомашины. Но на быстром течении Кобры машину занесло песком, и Павел Иванович заставил Витю разобрать двигатель и узлы автомашины, чтобы освободить их от всепроникающего песка. Витя сидел в сарае, плакал, но упорно выполнял это безнадёжное задание. Я остановил это дело. Павел Иванович получил строгий выговор, потому что это он послал Витю через Кобру, не прощупав, как надо, дорогу, машина попала в полынью.

Старенькую, отработавшую уже свой срок автомашину мы списали, Виктора Костеева, загрызенного Павлом Ивановичем, я перевёл в Дзержинск. Впоследствии Виктор, уже Иванович, много лет прекрасно работал водителем в аппарате «Волгагеологии».

Кстати, ЧП, связанные с техникой безопасности, были наиболее трудными происшествиями, отнимавшими много душевных и физических сил. К ним невозможно привыкнуть – к травмам и (увы, такое тоже случалось!) гибели людей. Я со своей службой отдавал огромное внимание профилактике в области техники безопасности, Горьковская ГРЭ была передовой в управлении в этих вопросах (мы были передовыми во многих других направлениях работы).

Главным инженером проработал 18 лет (7 – в Горьковской ГРЭ и 11 – в «Волгагеологии»), самые главные переживания были связаны с редкими травмами и единичными случаями гибели наших соратников. Известно всем, что в случае гибели сотрудников или при групповых несчастных случаях всегда усматривалась вина руководителей, много голов полетело из руководящего состава из-за ТБ. И ещё, вопросы охраны труда и техники безопасности были не только под пристальным вниманием вышестоящих геологических организаций, но и профсоюзных органов всех уровней и – органов Госгортехнадзора. Госгортехнадзор, строгий надзорный орган, он необходим. Но сколько крови испортили проверявшие нас его инспектора! На обширной территории Поволжья, могу добрым словом помянуть только Алексея Ивановича Жукова. Он был требователь-

лен, буквоед, но человечен, вникал в ситуацию, допускал мотивы, позволяющие снизить уровень ответственности исполнителей и руководителей. И – главное, никогда не появлялся на буровой в нетрезвом виде, не требовал пиломатериалов и всяких прочих материальных ценностей, не пломбировал технику. Хотя инспекторов-взяточников и пьяниц было большинство.

Кокурин в Горьковском управлении Госгортехнадзора, Краев – в Кировском, Горбецкий – в Татарском, и т.д. Увы, это горькая правда! Обладая огромными правами – приостанавливать производство, многие инспектора пользовались своей вседозволенностью в корыстных целях, вели себя беспардонно. Не хочу писать о постыдных выходках, которые они позволяли себе, но, поверьте, что были они не единичные; было стыдно за них. А вот Алексей Иванович Жуков, если обнаруживал нарушения, требующие прекращения работ, и если видел, что общая организация работ по т/б удовлетворительная, дожидался, чтоб в его присутствии эти недостатки устранили. В акте так и записывал – устранены в моём присутствии.

А.И. Жуков был длительное время начальником отдела Горьковско-го, затем Нижегородского управления Госгортехнадзора и пользовался большим уважением производственников. Так же, как и его суровый руководитель – начальник Горьковского управления Госгортехнадзора Роман Иванович Синицын. Он пришёл на эту работу с должности главного энергетика крупнейшего Дзержинского предприятия «Химмаш». Он знал производство, понимал трудности и проблемы, его уважали (и побаивались – за крутой нрав!).

Так не хочется вспоминать эти тяжкие события – несчастные случаи на производстве, но один из моей практики я вспомню. В то время я был награждён Почётной грамотой Министра геологии СССР Сидоренко за умелую организацию работ по технике безопасности и отсутствие травматизма. А буквально на следующий день произошёл в нашей экспедиции тяжёлый несчастный случай. Было и больно, и стыдно – лучший главный инженер Министерства по вопросам техники безопасности – и вот такая беда – назавтра после получения грамоты!

В Набережных Челнах в Татарстане работала геологоразведочная партия, начальником которой был опытный геолог Чумаков (он одно время был главным геологом нашей Горьковской ГРЭ – на период командировки на Кубу Табачкова Владимира Фёдоровича). В партии начала работать новая самоходная буровая установка, с экспериментальным образцом бурового станка СБУ – 300 ЗИФ, где раскрепление ведущей трубы во вращателе происходило гидравликой. При раскреплении пакет пружин отжимал массивную головку крепления, и ведущая труба освобождалась от захвата.

В один момент эту гайку разорвало, её фрагмент весом более 1,5 кг взлетел вверх и упал на голову опытного старшего бурового мастера, кавалера Ордена Ленина Василия Васильевича Грибунина, который получил тяжелейшую травму (череп проломлен). Находящаяся на хронометраже для разработки норм для нового станка старшая нормировщица Валентина Яковлевна Баринаова оказала умелую помощь, не дав растерявшимся буровикам залить рану йодом. Грибунин В.В. остался жив, хотя долго и тяжело болел на инвалидности.

В течение 14 часов через Ульяновск (переправа в Свяжске не работала) мы с водителем, моим добрым другом Ковалёвым Александром Андреевичем в пуржистую погоду без отдыха долетели до этой партии. Вскоре туда прибыли все контрольные и надзорные органы, горнотехнические, профсоюзные и объединения. Их выводы – плохой уход за буровой техникой, мастер работал без каски. Ясно было, что меня освободят от занимаемой должности. Но меня тревожило, почему разорвало такую массивную головку крепления. Осмотрел фрагмент, упавший на голову Василия Васильевича, обнаружил раковистый излом. Такого быть не

должно! Обратился в специальную лабораторию контроля за металлоизделиями в городе Горьком с просьбой дать технологическое заключение. Оказалось, головка изготовлена способом литья. Заключение лаборатории – заводом, выпустившим этот станок, допущена грубая ошибка, так как такие детали категорически нельзя отливать, возможные раковины могут ослабить её прочность.

Это заключение спасло не только меня (я получил строгий выговор за то, что Грибунин был без каски – хотя он, по моему мнению, и не должен был быть в ней, так как стоял в 40 метрах от агрегата у вагон-домика). Это заключение предотвратило возможное повторение таких случаев в будущем, так как завод изменил технологию изготовления этой злополучной головки.

Да, техника безопасности, это основополагающая составляющая производства, которой отдавал много внимания и сил – осуществляя регулярные проверки подчинённых организаций, выезжая в партии для контрольных проверок и на все ЧП. Буровые кадры в экспедиции – люди в большинстве профессионально опытные, знающие, но, к сожалению, много было нарушений трудовой дисциплины, имели место случаи пьянства. Так, однажды позвонил начальник Ковернинской партии Рудольф Рамазанович Туманов и сообщил – бригада мастера Михайлова ушла в запой. Скважина на соль глубиной около 400 м стоит с открытым стволом, не обсажена, ствол неустойчивый, возможен обвал.

Что делать? Мгновенные сборы, и в путь на «буханке» с А.А. Ковалёвым. Через четыре часа были на скважине. Никого там не застали, кроме Туманова. Я был со своим заместителем по технике безопасности Станиславом Петровичем Рыбиным.

– Где бригада? – спрашиваю Туманова. – Разыщи трезвых, чтобы завершить работу.

– Трезвых нет, – отвечает он, – все до одного пьяные.

Станислав Петрович предложил:

– Алексей Маркович, скважину вот-вот завалит, надо немедленно сажать колонну. Я опытный буровик, встану за рычаги, вы – рабочим устья, Туманов – за верхового рабочего.

Другого выхода нет. Несколько часов до темноты «пахали» на скважине, хорошо, что трубы были подготовлены и лежали рядом. Колонну труб диаметром 108 мм на 402 м посадили успешно. Пошли на квартиру отдыхать, а наутро – разборка в бригаде.

Мастер Михайлов, прекрасный специалист бурового дела, действительно изредка срывался. Его жена, техник-геолог, тут же брала неотгулянный им отпуск и через месяц он приходил на работу опять непьющим. В этот раз с ним случился срыв, один из бурильщиков подговорил ребят всем прекратить работу. Некоторых насильно заставляли выпить. Мол, всех не выгонят. Удалось разобраться в ситуации, уволил заводилу, остальные получили взыскания, Михайлов отстранён от руководства бригадой.

Подобные происшествия случались – коллективные и индивидуальные выпивки в бригадах. Мы не могли не пытаться изменить ситуацию. Действительно, большинство бригад состояло из бурильщиков с большим стажем работы, нередко из бывших заключённых. Работы велись в трёхсменном режиме по 8 часов три недели подряд. Потом шла неделя отдыха. Кто-то ехал домой, кто-то оставался на скважине. Если бригады работали далеко от дома (800 – 1000 км), то почти все оставались в бригаде. Много холостых ребят, кому некуда уезжать. Время для пьянки. В общем, я решил, что так продолжаться не может. Стал вводить в буровых бригадах четырёхсменную работу – по неделе (в отдалённых бригадах – по две) работали две смены по 12 часов, затем пересменок, они ехали на отдых, а их подменяли две другие смены. Ситуация с трудовой дисциплиной резко поменялась. Удалось молодых помбуров заинтересовать поступлением в организованную школу бурильщиков, некоторых молодых – заочно в техникумы.

В течение ряда лет кадровый состав существенно изменился в лучшую сторону, трудовая дисциплина наладилась. 12 часов за рычагами – и отдых. Так каждый день. Не до пьянки. Но Госгортехнадзор и Облсовпроф взяли меня в оборот: нарушение трудового законодательства – 12-и часовой рабочий день!

Как ни объяснялся, ничего не помогало. Готовился сдать должность другому человеку.

И тут на моё счастье Министерство геологии СССР совместно с ЦК профсоюзов рабочих геологоразведочных работ издаёт приказ о введении вахтового метода работы для отдалённо работающих бригад. Все претензии ко мне в этом вопросе были автоматически сняты, а меня чуть позднее даже стали хвалить за инициативу. Наша экспедиция стала пионерской в СВГУ в переводе буровиков отдалённых бригад на вахтовый метод. А возвращаясь к эпизоду с Михайловым, должен отметить, что спустя несколько лет Николай Михайлович, став абсолютным трезвенником, за блестящие показатели работы был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

В Горьковской ГРЭ продолжал наращивать свой потенциал. Поступил в трёхгодичный вечерний университет Марксизма-Ленинизма для подготовки к сдаче кандидатского минимума для последующей защиты диссертации. Естественно, посещать занятия в университете я не мог, учитывая постоянные командировки и огромную загруженность работой. Но, если при подготовке к сдаче кандидатского минимума по английскому языку я получал от преподавателя задание («тысячи», кто помнит), периодически сдавал их и экзамен сдал на пятёрку, то по марксизму-ленинизму при первых попытках получать периодически индивидуальные задания, педагог категорически воспротивился: «Вы обязаны посещать лекции и практические занятия!» Когда пришёл сдавать экзамен на кандминимум, педагог отказался его принимать. Никакие объяснения не помогли. Пошёл к ректору. Объяснил ситуацию. Тот вызвал педагога. Я ждал в коридоре. Вероятно, разговор был тяжёлый, потому что минут через пятнадцать педагог вышел весь красный и сказал: «Пойдёмте, но в положительном результате я очень сомневаюсь».

Дальше экзамен пошёл так, как я и предполагал, заранее готовился к такому течению. Педагог начал гонять меня по первоисточникам классиков философии и марксизма-ленинизма. А это как раз то, что я только и учил. У меня был справочник по марксистско-ленинской философии, где кратко изложено содержание всех основных первоисточников. Память у меня хорошая, отвечал уверенно. Педагог удивлён: «Когда всё это проработали?»

– Старался, – отвечал я.

И он, в конце концов, сказал:

– Вопреки моим принципам приму у вас экзамен, но так как вы совершенно игнорировали занятия, то могу поставить лишь «удовлетворительно».

Это моя первая в жизни тройка за экзамен, но я был предельно рад. В итоге, сдал необходимые экзамены по кандминимуму и мог начинать работу по подготовке к защите кандидатской диссертации. Актуальная тема у меня была. Дело в том, что в Горьковской геологоразведочной экспедиции, впрочем, как и в целом в Средне-Волжском геологическом управлении, большой объём буровых работ выполнялся бригадами ручного бурения. Сооружались неглубокие скважины в недоступных для буровых агрегатов местах (береговые склоны, городские плотные застройки и так далее). Ручное бурение – работа физически тяжёлая и часто опасная, да и малопроизводительная. Механизация бурения неглубоких скважин – вот важная и интересная задача! За время работы главным инженером внедрил ряд технологий механизации ручного бурения. Совместно с кавалером ордена Ленина Михаилом Яковлевичем Пелеевым был разработан и успешно применялся механизм расходки колонн

труб диаметром от 6" и выше – понижающий обороты редуктор при посадке их и извлечении в песчаных обводнённых грунтах. Проведён анализ существующей буровой техники для этих целей, намечены пути механизации и замены тяжёлого ручного бурения. Меня пригласили читать лекции на эту тему в Горьковский трест инженерно-строительных изысканий (Горьковтиаз). В итоге подготовил солидный научный доклад на 150 страниц и поехал советоваться в Москву в Специальное конструкторское бюро Министерства геологии СССР. Мне порекомендовали зайти к кандидату – тогда технических наук (впоследствии доктору технических наук) В.Г. Кардышу. В его отделе собрались он, Окмянский и Мурзаков – его коллеги. Внимательно посмотрели мой трактат и сказали: работа интересная, но она совершенно не диссертательная, не советуем зря тратить силы. Что ж, я оставил свой доклад у них и уехал разочарованный.

Где-то через год-полтора мой соратник, заместитель начальника экспедиции Николай Алексеевич Сычѳв привѳз мне из Министерства книгу «Механизация бурения неглубоких скважин». Авторы – Кардыш, Мурзаков, Окмянский. С дарственной надписью – понятное дело, сделанной шутиливой рукой Николая Алексеевича:

– Дорогому Алексею Марковичу Коломийцу от авторов.

Да, это было горькое разочарование. Конечно, книга была насыщена материалами, которых у меня не было, но вся её структура, концепция и целые абзацы из моего доклада там имели место быть.

Добрый мой мудрый друг, старше меня на 10 лет, – Н.А. Сычѳв – сказал: не вздумайте жаловаться и разбираться, вони будет много, ну и потом, попробуйте доказать, что не они у вас увели идею, а вы – у них. Переживите, на самом деле это хорошая наука.

Так неудачно закончилась моя первая попытка стать учёным. Произошло это где-то в 1970-1971 годах, точно не помню. Впрочем, потом долго сам думал, может, они эту тему к тому времени уже разрабатывали, а тут я появляюсь и пытаюсь им дорогу перебежать. Не знаю. Не хотелось бы плохо думать о видном российском учёном В.Г. Кардыше, к тому же, впоследствии я был с ним хорошо знаком, и казалось неприличным выяснять старые, в общем-то «мелкие обиды». Тем более, что и я уже был к тому времени доктором технических наук.

Производственная моя деятельность интенсивно развивалась. Часто выезжал в подведомственные организации с проверками. Бывало, в первый год работы «заносило» в желании наладить дисциплину в коллективе, поступая, по молодости лет, необдуманно жѳтко, некрасиво. Даже сейчас стыдно вспоминать. Как-то пошѳл в гараж экспедиции, увидел, что электрик Саша Самсонов пьян! Отстранил его от работы, отправил домой, а наутро, взяв у него объяснительную, написал приказ об увольнении. Котов завизировал, а через минут 15 приходит ко мне заместитель начальника нашей экспедиции, Валентин Дмитриевич Альпидовский, ему было под шестьдесят, собирался на пенсию.

– Алексей Маркович, что случилось? Вы Сашку увольняете?

Я ему рассказал.

– Вы меня простите, старого дурака, но я скажу, что вы поступили формально правильно, а по сути – нет. Ведь у Сашки золотые руки, он умеет всё, плюс старательный и ответственный. Нельзя его увольнять!

– Валентин Дмитриевич, он был выпивши!

– Ну и что, сделали бы вид, что не заметили, или назавтра на трезвую голову вызвали, или ещё чего – мало ли вариантов, чтоб и Сашку проняло, и дело не страдало.

Конечно, приказ я отменил, Самсонов получил выговор и ещё долго и хорошо у нас трудился, а дорогому моему наставнику Дмитрию Валентиновичу Альпидовскому я глубоко признателен за человеческую науку.

Саша Самсонов полгода спустя, когда коллективом собрались на зимнюю рыбалку, которую я только осваивал, склепал мне и подарил пре-

красный ящик для зимней рыбалки, который до сих пор не заменил на новый.

Что касается отношения к работе, я тогда искренне считал, что работа – на первом месте, а уж потом – семья. Был по складу своему, по воспитанию – советским человеком. Значит, работал для народа, для страны. Это не пустые догмы. Это были мои искренние мысли тогда.

В 1969 году семья состояла уже из пяти человек – родился сын Марко, и к нам приехала помогать ушедшая на пенсию мама моей супруги – Анна Михайловна Ильина. А.А. Котов совместно с парторгом Копосовым и председателем профкома Преподобным выделил четырёхкомнатную квартиру во вновь строящемся доме. Шёл я домой счастливым, но одна мысль всё стучала мне в голову: «А не стыдно тебе?» Вчера только был в квартире у бурового мастера Логинова в посёлке Пушкино. Живёт в одной комнатухе в старом бараке без удобств, под порогом хлюпает вода, пятеро детей – трёхэтажная кровать! Да, Логинова за появление на работе в нетрезвом виде сдвинули в очереди за меня. Но мастер он хороший, а живёт семья в невыносимых условиях! Ты же коммунист, будет стыдно ему в глаза смотреть.

Вот такие мысли допекали меня, я развернулся, пришёл к Алексею Арсентьевичу и сказал: «Отказываюсь от квартиры, но при условии, что её получит Логинов». Никакие уговоры не помогли, моё предложение было принято. Дома всё рассказал Сашеньке, поплакала она, но сказала: «Конечно, я ждала добрых вестей, но ты поступил правильно, по совести».

Стоит ли говорить, как к этому отнёсся коллектив экспедиции? Моя семья получила-таки новую квартиру полтора года спустя. Что касается Логинова, то человек резко изменился в положительную сторону, жаль лишь, что рано болезнь забрала его в мир иной.

Производственная моя деятельность в качестве главного инженера Горьковской ГРЭ шла весьма интенсивно. Считал своим долгом контролировать деятельность подчиненных партий и буровых бригад не в кресле, а выезжая в поле. За год многократно посещал партии и буровые бригады, знал каждого бурильщика по имени-отчеству. Приезжал в буровые бригады в любое время дня и ночи. Не могу не вспомнить события, связанные с ликвидацией самоизливающейся Горецкой скважины в Чувашии. В 40-е годы там бурили глубокую поисковую скважину на нефть, но вместо нефти скважина дала мощный гриффон минерализованной воды высотой около 1 метра расходом около 150 литров в секунду. Ликвидировать её тогда не смогли, вскоре после закрытия она восстановила гриффон, который создал ручей и старицу к прилегающей необычной речушке. Местные жители пожаловались, что высокая минерализация убивает рыбу в реке, и нам было поручено скважину «закрыть». До конца 1968 года оставалось 1,5 месяца, а Чувашская ГРП не знала, как её ликвидировать. Поехал. Выяснилось, что голова обсадной колонны не выходит на поверхность, агрессивная вода всю её «съела». Молодой отчаянный техник Володя Дьяченко сказал: «Я посмотрю, что с колонной». Одел пустое ведро на голову (водолаз!) и опустился в устье скважины (температура воды +5 градусов Цельсия). Мы с волнением ждали. Наконец, Володя (впоследствии Владимир Ильич – начальник Марийской ГРП) вынырнул. Придя в себя, ещё дрожащий, сказал: голова колонны полностью корродирована, соединяться с ней нет смысла. (Ещё один пример геройства буровиков.)

Не буду описывать детали нашей уникальной работы, но к 25 октября она была успешно завершена, скважина надёжно затампонирована. 26-го я в Чувашской партии – до 31 числа надо защитить отчёт! Геологи мне сказали – нужен месяц на написание, как минимум. 27-го я в Дзержинске. 28-го и 29-го вместе с секретарём Марией Ивановной Андреевой – написал, а она напечатала отчёт, который 30 декабря успешно защитил в Управлении. Приятно это вспомнить в мои нынешние весьма зрелые годы.

Шесть лет водителем был у меня Александр Андреевич Ковалёв. Нашу машину – УАЗ-452 («буханку») он утеплил изнутри, вдоль стенок изготовил и установил два мягких топчана, то есть мы могли там спать в своих спальнях мешках в полевых разъездах, что неоднократно и бывало. Александр Андреевич был талантливым человеком. Как говорят, «золотые руки». Одно время увлёкся изготовлением телевизоров. В магазине «Юный техник» закупал детали – некондиции, собирал телевизор, доводил до кондиции и продавал (с телевизорами тогда была «напряжёнка»). И дело было не в заработке, не в деньгах, просто ему было интересно. Уйдя на пенсию, получил порубочный билет, заготовил в лесу брёвна из неподсечной сосны и сам построил замечательный просторный дом в родном селе Кужадон Дальне-Константиновского района. В прилегающем дворе соорудил мастерскую по рихтовке аварийных легковых автомобилей, и у него была длинная очередь в ожидании, так как качество его работы великолепное.

Надо сказать, что был он очень влюбчив. Его жена Елена Леонтьевна, его любившая, всё прощала. На почве своих влюблённостей впадал изредка Андреич в запой. Но на этот случай были у него в запасе неиспользованные отпуска, запирался он в квартире, жена приносила водку, он «отпивался» и шёл к врачу кодироваться. За всё время работы со мной с ним произошёл только один подобный случай. Не буду говорить о причине, не надо. Но по окончании отпуска пришёл он ко мне подавленный с заявлением на увольнение. Сказал:

– Я вас подвёл, мне стыдно.

Спрашиваю: «Но ведь ты завязал, Андреич?»

– Да, надолго, возможно, навсегда.

– Ну, так садись за руль, ты мне очень нужен, – ответил я.

Стоит ли говорить, что больше до конца жизни он не срывался. Был моим добрым, незаменимым, безотказным другом. Даже защищал кулаком в дорожном командировочном конфликте. Физически очень силен. Русский богатырь – без преувеличения. Среднего роста, крепко сбитый, но не массивный, где-то килограммов 75 веса. Крышки со стеклянных консервных банок снимал рукой. Металлические консервы раздавливал. Как-то раз попросил его опробовать динамометр.левой рукой сжал до шкалы – 100 кг (больше динамометр не может показывать), правой, слабой, как он сказал, рукой – 75 кг. Невероятная сила!

Я как-то сказал, когда мы заехали в Кужадон, его старенькому отцу: «Ну и силен ваш сын!» На что тот ответил мне: «Да ладно, силу свою он испил. Вот в детстве и молодости чудеса показывал. Когда ему было четыре года, впрягся в оглобли и притащил с соседней улицы телегу с сеном. А в тринадцать лет во время Великой Отечественной войны, работал в колхозе на тракторе ХТЗ-15. Как-то весной жду я его из поля (отец был инвалид, не воевал), уже к ночи дело, а его всё нет. Наконец, в 23 часа приезжает грязный и в слезах: Застрял в яме, – говорит, – и не мог выехать никак.

Спрашиваю, как удалось выбраться?

– Да я под него подлез сзади, спиной приподнял и переставил колёса, – отвечает.

Вот это была у него сила!

Так вот, я уже рассказывал, как он четырнадцать часов без отдыха был за рулём, когда мы ехали на расследование несчастного случая с В.В. Грибуниным. В гостинице, одетый, он упал на кровать и проспал сутки. Припоминаю ещё случай. Поехали с проверкой в Мамадишскую партию в Татарию часа в три ночи, кое-как добудились до начальника партии Станислава Петровича Боброва. Он с похмелья (хотя точно не был пьяницей). Петрович говорит: «Маркович, извини, вчера выпивал с директором совхоза, он нам хорошо помог расчистить дорогу до буровой».

– Да ладно, всё нормально. Сейчас можно туда проехать?

– Можно, ещё не пуржило, хотя морозец знатный.

Тут вмешался Алексей Андреевич:

– Маркович, тогда поехали туда без промедления, раз такая удача – дорога чищена.

– Езды минут сорок, – сказал Бобров.

Двинулись в путь. Мне интересно: мороз под – 30 градусов Цельсия, бригада работает ночью или нет? Подъезжаем. Издалека видим – на мачте горит свет, значит – работает! Подъезжаем поближе – за рычагами закутанная в робу фигура в каске, больше никого не видно. Василий Михайлович Ростов, наш замечательный, выдающийся буровой мастер, потомственный буровик – раньше в Горьковской ГРЭ на бурении работала его тоже знаменитая мама, тётя Маша.

– Михальч, ты что один, где остальная смена?

Махнул головой: там, в вагончике, посмотрите.

Заходим в вагон-дом. На лежаках – ворочающиеся спальные мешки. Оказывается, Василий Михайлович отлучился в Мамадыш, ребята под предлогом мороза решили хорошо гульнуть. Михальч вернулся в бригаду, буровая стоит, бригада пьяная, улеглась спать в спальных мешках. Тогда он всех застегнул снаружи, и... пошёл бурить в одиночку. Вот такой ответственный и суровый наш Ростов. Двоих он разбудил при нас, велел раздеться до пояса, растёр их снегом, напоил крутым чаем – чтоб в восемь были как штык на смене!

Уезжал я из этой бригады спокойный – знал, что всё будет в порядке.

Много бывал на буровых, видел трудные условия работы и быта, делал многое для их улучшения: обеспечение вагон-домами, утепление рабочих мест бурильщика, обеспечение качественной спецодеждой, организация питания – мы стали принимать в бригады поварих. Я старался обратить молодых рабочих поступать учиться в школы буровых кадров, ну, и многое другое. Годам к 35 узнал, что у меня появилось «погоняло» у буровиков – «отец родной». Был взволнован, когда узнал об этом. Я не был паникой. Когда требовала ситуация, поступал жёстко и бескомпромиссно. Однажды, приехав на буровую около Кстова, узнал, что пропало около пяти тонн мешков тампонажного цемента. Ребята молчали. Мол, спали, не видели, как пропали. Понял, все всё знают, но по какой-то причине молчат. Провёл расследование с помощью жителей соседней деревни и узнал, этот цемент привёз на тягаче и продал Иван Кудрявцев – опытный бурильщик, поднявший под себя молодёжь бригады, в том числе и мастера Музыкачука. Иван Тимофеевич Кудрявцев имел за плечами солидный срок лагерей – 13 лет. Вернул цемент на скважину, а Ивана – отправил в экспедицию на увольнение, объяснив, почему его увольняют.

Через полмесяца в воскресенье он является ко мне домой. Вся семья в сборе. Звонок, открываю – Кудрявцев!

– Заходи, Иван Тимофеевич, что, поговорить решил? Раздевайся, проходи на кухню.

Молча идёт Кудрявцев на кухню. Спрашиваю: чай будешь?

– Да, – отвечает, – а покрепче что-то есть?

– Есть, – говорю, – но не время и не место с этим «покрепче»

Сашенька накрыла на стол. Посидел он с полчаса. Ещё раз коротко объяснил ему, почему обязан был его уволить, принять обратно не могу, и, наконец, он промолвил: «Спасибо за хлеб-соль, я пошёл».

Оделся и на выходе из квартиры, в дверях сказал: «А я ведь приходил тебя убивать. Теперь вот говорю: спасибо за хлеб-соль, будь здоров!»

Больше я его не встречал. Супруга потом спрашивает: «Что это за мужичок такой симпатичный и вежливый приходил?»

– Бурильщик наш, по делам.

Помимо постоянных разъездов по полевым партиям и бригадам, где учился многому, да и сам мог кое-что подсказать, много усилий уходило на написание производственных частей проектов и смет. Имея опыт работы в ПЭИ, владел этим качественно, все защиты в Средне-Волжском управлении происходили с моим участием.

Внимательная и добросовестная Нина Алексеевна Левакова тщательно (как всегда) проверяла мои расчёты, замечаний у неё практически не было. А вот с её мужем, начальником ПТО Николаем Ивановичем Ёлкиным случались постоянные тяжелейшие нервные схватки:

– Проект завышен на столько-то тысяч, снимайте излишние объёмы.

– Да в чём он завышен-то, Николай Иванович? Назовите конкретно.

– Не знаю, не знаю, не знаю, – отвечает (это «не знаю, не знаю, не знаю» меня просто бесило) и далее – надо снизить стоимость объекта на столько сотен тысяч рублей – безапелляционно утверждал он.

– Да где излишества, покажите, что снимать?

Следовало: «Не знаю, не знаю, не знаю, снимайте!»

Я даже начинал «хулиганить». Не трогаю объёмов работ, вычёркивал из сметы обязательные статьи «плановые накопления», «накладные расходы», даже «полевое довольствие» и приносил к Ёлкину. Он не глядя подписывал: «Вот ведь можете!»

Проект и смета утверждались начальством в таком усечённом виде, а спустя полгода я его переутверждал, включая, как ошибочно упущенные, эти статьи. Ёлкину от Тухтина попадало, но не изменило его «систему» никак. Самое удивительное, что в быту это был интересный человек, не заносчивый, приветливый, демократичный, но вот эта его манера: «уменьшите сметную стоимость, а за счёт чего? – не знаю, не знаю, не знаю» – просто поражала.

Много внимания уделял я поиску новых рациональных методических и технологических новинок для внедрения в производство, что позволяло качественно и с опережением срока выполнять пообъектное государственное задание. Любый геолог знает, что сорвать сроки выполнения геологического задания в советское время было недопустимо, невозможно представить такие варианты. Вот пример. Наша экспедиция приняла в свой состав Марийскую ГРП, потому что в её пообъектном плане появилось грандиозное задание – выполнение геологоразведочных работ на воду для хозяйственно-питьевого водоснабжения города Йошкар-Олы.

Кроме массы наблюдательных скважин, надо пробурить двенадцать разведочно-эксплуатационных скважин глубиной около 120 м с конечным диаметром под двенадцатидюймовые насосы для опытных откачек. Также скважины следовало сооружать механическим способом – станками, но, во-первых, таких станков для разведочного бурения подобных диаметров тогда ещё не было в стране, а, во-вторых, и это главное, не было технологий, как пробурить скважины большого диаметра в 120-метровой толще обводнённых песков Волжской палеодолины. Если бурить с промывкой глинистым раствором, то требуется жёсткая глинизация разреза, чтоб предотвратить оползание стенок скважин. И никакие способы деглинизации не помогут восстановить водоприток и достичь необходимого дебита скважин. Поэтому тогда была выполнена гигантская задача – эти скважины были пробурены буровым станком ударно-канатного бурения УКС-30 с начальным диаметром 20"! Конечно, выполнить эту работу мог только наш выдающийся буровой мастер Михаил Яковлевич Пеленева, с которым мы оборудовали мощные понижающие обороты редуктора РМ-500 для расходки обсадных колонн. В этом случае при расходе происходило разжижение грунта вокруг труб и они «тонули». При одновременной работе желонки внутри. Таких скважин такого диаметра и такой глубины и таким способом в подобных условиях в буровой практике геологов СССР ещё не сооружали. И всё-таки мы успешно и в срок соорудили их.

Грандиозная групповая откачка из 12 скважин была запущена, но для этого прошло большое совещание в Совмине Марийской республики с участием руководства города, когда вся энергетика республики была на время пуска откачки (нужен был мощный пусковой момент) завязана на наш пуск. Месячная откачка успешно состоялась, а закончилась она грандиозно радостной выпивкой руководства города. К тому времени

опыт участия в таких «мероприятиях» у меня уже был, и всё обошлось «без потерь».

Было глубокое удовлетворение от выполненной сложнейшей работы. Население столицы Марийской АССР (в то время) города Йошкар-Ола было обеспечено великолепной чистой подземной водой из запасов Арбанского участка Йошкар-Олинского месторождения. Да, это была впечатляющая трудовая победа, которая была осуществлена в установленный геологическим заданием срок.

Горьковская геологоразведочная экспедиция работала успешно, постоянно занимая призовые места в соцсоревновании предприятий Средне-Волжского геологического управления, в основном, первое. Экспедиция много раз занимала призовые места в соцсоревновании геологических предприятий Министерства геологии РСФСР. В течение 9 кварталов подряд в 69-71 годах мы были в передовиках. И тем более обидно и больно было, что начальник управления Е.И. Тухтин всё это время лишал нас по надуманным предлогам заработанных премий – производственных и в соцсоревновании. Странно читать подписанные им приказы, которые звучали примерно так; За достигнутые положительные геологические и экономические результаты премировать руководство Горьковской ГРЭ в «таком-то размере». А далее следовал пункт – за срыв геологического решения, за невыполнение приказа СВГУ и т.д. лишить руководство экспедиции премии полностью. Я с начальником Горьковской ГРЭ Котовым А.А. не один раз был у Тухтина по этому вопросу.

И нередко разговор переходил на повышенные тона. Мы стояли на вытяжку перед Е.И. Тухтиным, а он на нас орал.

Однажды Алексей Арсентьевич сказал: «Маркович, садимся, что, как дураки, стоим?!» И мы демонстративно сели. Е.И. Тухтин закричал: «Кто вам разрешил садиться?!» А. Котов ответил: «Мы сами так решили!»

Закончился этот эпизод изгнанием нас из кабинета Тухтина.

В конце концов, терпение наше кончилось, и мы решили воевать. Приближалась ежегодная партийно-хозяйственная конференция по итогам 1971 года. Мы с Котовым пришли к Виктору Андреевичу Пустошилову, который в это время работал заместителем Тухтина. Пустошилов пригласил парторга аппарата управления Рэма Борисовича Давыдова. Состоялся плотный разговор, Пустошилов и Давыдов нас поддержали. Было решено, что надо все эти наши претензии выложить на конференции, которую должен вести Давыдов.

– Так, – сказал он, – придёт время, я подам знак, чтобы Котов подготовился, и потом дам ему слово. Жди, Алексей!

Началась конференция. В президиуме, кроме руководства управления, – ещё инструктор Горьковского обкома КПСС Ишутин. Где-то через час Давыдов даёт знак Котову – приготовиться. И Алексей Арсентьевич неожиданно шёпотом заявляет: «У меня голос пропал. Маркович, иди выступать ты!» Состояние – шок! Что делать?! Я ведь не готовился выступать, но тут вся наша команда разом взвилась: «Маркович, вперёд, ты всё знаешь. Давай-давай!» И я, чрезвычайно взволнованный, пошёл к трибуне, когда Давыдов объявил, что слово дано Котову.. Как мог, я сбивчиво объяснил конференции, что Котов приболел, а дальше темпераментно и горячо выложил все наши претензии к Тухтину. Я видел, как медленно наливалась кровью голова Тухтина, как безотрывно и внимательно глядел на меня Ишутин. И – как напряжённо в полной тишине слушала меня конференция.

Закончил. Несколько жидких хлопков аплодисментов, вновь тревожная тишина, и я спустился в партер, сопровождаемый горящими взглядами участников конференции. Сразу после завершения конференции нам с Котовым передали, что Тухтин хочет нас видеть. Мы решили – пойдём! Зашли в кабинет, демонстративно сели. Тухтин медленно, с расстановкой прокричал: «Вы что, сопляки, свалить меня решили?!»

Тут Алексей Арсентьевич раскрылся по полной. Он тоже закричал:

– Хватит орать! Мы руководители крупной успешной экспедиции, и будь добр разговаривать с нами, как положено! А подняли мы эту тему, потому что терпеть произвол более не намерены!

Тем и закончилась эта встреча. Но, для справедливости, надо сказать, что, кроме наших претензий, накопилось к Тухтину достаточно много и других, наверное, не менее серьёзных. Всех нас беспокоило, что Средне-Волжское геологическое управление стремительно сокращалось. Старый и больной Е.И. Тухтин отказался от предложения Министерства геологии РФ начать работы на углеводороды в Оренбургской области и на Нижней Волге. Из управления вышел чуть позднее трест «Удмурт-геология», где успешно завершались поисково-разведочные работы на нефть. Потом Тухтин согласился отдать во вновь образованное Нижне-Волжское геологическое управление Саратовскую геологоразведочную партию. Затем передал нам, Горьковской ГРЭ, Чувашскую, Марийскую и Мордовскую партии.

По существу, Средне-Волжское управление умирало, съёживалось, как «шагреновая кожа». До нас дошло, что в Министерстве утвердилось мнение о ликвидации управления. Итог всей этой истории таков. Геологические работы по территории Поволжья и Прикамья были переданы Территориальному геологическому управлению Центральных районов (ТГУЦР), а из остатков Средне-Волжского геологического управления была сформирована крупнейшая в ТГУЦР – Средне-Волжская комплексная геологоразведочная экспедиция (СВКГРЭ). Начальником её был назначен Виктор Андреевич Пустошилов, главным инженером – я, главным геологом – Блом Георгий Иванович, наш выдающийся геолог, доктор геолого-минералогических наук; заместителем начальника – Николай Алексеевич Сычёв.

Думаю, надо рассказать, какие события предшествовали нашему назначению.

Во-первых, сначала узнаём, что начальником СВКГРЭ утверждён Пустошилов Виктор Андреевич. В принципе, мы все давно уже знали, что это случится. Затем Виктор Андреевич рекомендовал ТГУЦР, что главным инженером хотел бы видеть меня, главным геологом – Георгия Ивановича Блома, а заместителем – Николая Алексеевича Сычёва. Мы с Н.А. Сычёвым поняли, что пришла пора расставания с дружным коллективом Горьковской ГРЭ, и решили устроить прощальный пикник на природе, в лесу. Нам обоим было неудобно перед А.А. Котовым и В.Ф. Табачковым, что нас взяли «на повышение», а их – нет. Поэтому прощание затянулось, и наутро я чувствовал себя неважно. Полчаса стоял под холодным душем, чтоб привести себя в норму, так как предстояла встреча с начальником ТГУЦР, строгим и основательным Владимиром Николаевичем Силаковым. Потому заметно волновался, да плюс ещё этот лесной пикник. Позднее я хорошо познакомился с этим прекрасным человеком, и даже можно сказать, немного подружился. Но это было значительно позднее. А тогда...

Владимир Николаевич строго уставился на меня, внимательно рассматривал. А был я не внушительных размеров. В 33 года весил около 55 кг при росте 168 см. Владимир Николаевич, помолчав, сказал: «Пустошилов просит вас назначить главным инженером. Как вы на это смотрите, справитесь ли?»

От волнения ответил ему дерзко:

– Вы же смотрели личное дело. Семь лет справлялся в крупнейшей экспедиции управления. Есть правительственные награды и грамоты, находился на Доске Почёта Управления и Министерства геологии РСФСР. У вас есть какие-либо сомнения?

Владимир Николаевич нахмурился и медленно промолвил:

– Вижу, вам ещё надо созреть для уровня крупного руководителя. Назначаю на один год, а там посмотрим.

Конечно, в приказе никаких «на год» не было, это он мне, сопляку, дал такую «пощёчину» за дерзость. Хорошая наука – и поделом! Значительно позднее мы вспоминали с ним этот случай, но об этом – потом. Сейчас хотелось бы подвести некоторые итоги этого этапа моей производственной деятельности в должности главного инженера Горьковской геолого-разведочной экспедиции.

За 7 лет я обрёл опыт руководства производственной деятельностью экспедиции, объекты работ которой были разбросаны на обширной территории Поволжья и Прикамья, установил хорошие контакты с руководителями партий и с бригадами буровиков, неплохо вник в понимание сути экономических и других сопутствующих геологии видов деятельности. С помощью сначала Табачкова В.Ф. неплохо освоил геологические материалы по территории деятельности. Когда только пришёл на должность главного инженера, то попросил Фёдоровича – хочу освоить геологию на профессиональном уровне, помощи. Он дал мне азы геологических знаний по региону, впоследствии я взял за правило присутствовать на всех приёмах геологических материалов партий и защитах отчётов, освоив неплохо геологию региона.

Начальником экспедиции был Алексей Арсентьевич Котов. Умница, доброжелательный и чувствительный, прекрасный геолог – полевик, бывший видный спортсмен-легкоатлет, выше среднего роста. Сначала мы очень хорошо сработались. Но где-то год спустя стал Арсентьевич постепенно становиться вялым, рассеянным, несобранным. Я не понимал, в чём дело. В 30 лет у него были совершенно седые волосы, начал горбиться – и много выпивал. Поневоле пришлось взять на себя решение многих вопросов, входящих в его компетенцию. Признаться, я не тяготился этим, так как переживал за наш коллектив. Пытался как-то по-дружески с ним поговорить, но безрезультатно. Было непонятно, что происходит.

Однажды пришли к нему с Владимиром Фёдоровичем Табачковым, разговор состоялся не из приятных, что называется.

– Арсентьевич, возьми, соберись. С выпивкой – остерегись!

Алексей Арсентьевич молча выслушал нас, растерянный:

– Да, ребята, вы правы, я сделаю выводы.

Но, увы, ничего не изменилось, может, выпивать стал меньше. Лишь гораздо позднее я узнал – в его деградации была виновата... генетика. Преждевременное стремительное старение преследовало эту фамилию. Папа Арсентьевича умер в 45 лет, старший брат – в 42 года, выглядели они стариками. Алексей Арсентьевич, благодаря его замечательной супруге, Наталье Абровой, выдающейся советской конькобежке, которая работала у нас начальником химлаборатории, дожил до 60 лет, но выглядел стариком лет на 90.

Почему я об этом вспоминаю? Потому что меня долгое время преследовало ощущение вины перед ним. По результатам пятилетки в 1971 году, как всегда, пришла разнарядка на представление к Государственным наградам. Кроме медалей, Горьковской ГРЭ выделили для представления кандидатуры на орден «Знак Почёта». На заседании «треугольника» – администрация, партком, профком – единогласно решили представить к этой награде нашего начальника – руководителя лучшей экспедиции управления – Котова Алексея Арсентьевича. Документы ушли в СВГУ. А спустя некоторое время приходит Постановление Верховного Совета СССР, где этим орденом наградили... меня. Конечно, мне тогда было очень совестно смотреть в глаза Арсентьевичу. Лишь потом узнали, что управление на своём «треугольнике» переиграло эту награду. Наверное, тоже знали, что многие обязанности Котова тянул я. И всё-таки... Долго ещё я чувствовал себя виноватым перед моим соратником.